

Алек Эшштейн

“ПРЕДАТЕЛИ РОДИНЫ”
КАК ЭКСПЕРТЫ ПО “ПРЕДАННОЙ” РОДИНЕ:
ФЕНОМЕН РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ В ЭМИГРАЦИИ

В нынешнюю эпоху глобализации, вдали от своей реальной или духовной Родины, живет больше людей, чем когда-либо в предшествующие периоды мировой истории. Многие десятки, если не сотни, миллионов людей говорят дома и на работе на разных языках: состояние “диглоссии”, функционального многоязычия, в котором оказались в настоящее время ученые в формально неанглоязычных странах, испокон веков знакомо всем эмигрантам, не обязательно в первом поколении, чья жизнь в диаспоре естественным образом протекает в двух, а то и более, языковых средах.

Вполне сбылся сделанный несколько десятилетий назад прогноз Дж. де С. Прайса, гласивший, что “следует ожидать, что мобильность исследователей в будущем будет достаточно высокой, так что самолетные кресла, занимаемые учеными, не будут пустовать, а научные институты и государства будут постоянно испытывать беспокойство в связи с тем, что они могут потерять исследователей почти сразу же после их приобретения”. Более того, постулировалось, что “положение не нормально, если ученые стремятся оставаться на одной и той же работе в одном и том же месте”¹. Однако во многих странах, в том числе, а возможно — прежде всего, в России эмиграция ученых (и не только ученых) воспринимается как “утечка умов”, и этот термин имел и имеет очевидную негативную коннотацию. “Такая реакция была вполне естественной, поскольку мы привыкли считать российские умы *нашим* национальным достоянием и с трудом привыкали к их регулярному оттоку”, — отмечалось в одной из посвященных этому вопросу монографий².

Негативное отношение к эмиграции ученых и специалистов в России в целом сохраняется и в настоящее время (хотя масштабы этого явления в 2000-е гг. значительно меньше тех, что отличали первую половину 1990-х), а предлагаемые “рецепты противостояния” “утечке умов” весьма вариативны: от при-

¹ Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации — прошлое, настоящее, будущее [1967] // Коммуникация в современной науке, под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского — М.: Прогресс, 1976, С. 105.

² Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? — М.: Едиториал УРСС, 2001, С. 70.

зывают к значительному увеличению государственной поддержки научных учреждений до предложений о поощрении развития научных связей российских ученых с коллегами за рубежом, в том числе и в виде краткосрочных зарубежных научных стажировок. Утверждается, и, вероятно, не без оснований, что ученые, имеющие возможность регулярно посещать зарубежные научные центры и возвращаться назад, на привычные места работы и в свои дома, будут менее склонны к той или иной форме невозвратной эмиграции, чем если бы каждая поездка на Запад была бы уникальным случаем, который мог бы и не повториться³. Отрицательное отношение к эмиграции ученых, бывшее частью категорического неприятия советской властью права на выезд своих граждан за рубеж в эпоху “Холодной войны”, сохранилось и многие годы спустя, и это несмотря на то, что “то, что представляется нам [россиянам] как утечка умов, западным коллегам видится как глобальная экспансия русской науки”⁴. Показательно, что в изданной в России в конце 1990-х гг. фундаментальной коллективной монографии “Психология науки” глава “Миграционная активность ученых” объединена в один раздел с главой “Факторы групповой дезинтеграции”⁵. В другой монографии, изданной в тот же период, утверждается, что “в настоящее время процесс «утечки умов» для России явно негативен. Этот процесс замедляет научно-технический прогресс, нарушает режим воспроизводства кадров высокой и высшей квалификации, отрицательно влияет на демографические и социальные стороны общества, наносит стране значительный экономический ущерб”⁶, который авторы считают равным десяткам миллиардов долларов⁷.

При этом следует отметить, что российская научная эмиграция имеет очень давнюю историю, начавшуюся еще до Октябрьского переворота, хотя и сильно “подстегнутую” им⁸. Назовем только некоторых, наиболее известных из работавших за рубежом русских ученых конца XIX – первой трети XX века, имена которых вошли в книгу “Самые знаменитые иммигранты России”⁹. Математик Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891) с 1881 года жила и работала за границей, преимущественно в Стокгольме и Париже. Медик Владимир Аронович Хавкин (1860–1930) жил и работал за границей с 1888 года, по большей части в Индии. Изобретатель в области электроники Владимир Козьмич Зворыкин (1889–1982) покинул Россию в 1917 году, два года спустя оказавшись в США. Авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский (1889–1972) эмигрировал в США в 1919 году. Экономист Василий Васильевич Леонтьев (1905–1999) практически сразу после окончания Петроградского университета оказался в Берлине, потом работал в Китае, а в 1931 году переехал в США; в 1973 году он был удостоен Нобелевской премии. Химик Владимир Николае-

³ Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г., Психология науки — М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 1998, С. 147.

⁴ Жаренова О.А., Кечил Н.В., Пахомов Е.Ю., Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье (М: Центр политической информации, 2002, С. 40.

⁵ Аллахвердян А.Г. и др., Психология науки, СС. 143–147.

⁶ Ушкалов И.Г., Малаха И.А., Утечка умов: причины, масштабы, последствия — М.: Эдиториал УРСС, 1999, С. 101.

⁷ Там же, стр. 86–87.

⁸ См., например, интереснейший сборник статей: Российская научная эмиграция. Двадцать портретов, под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова (М.: Эдиториал УРСС, 2001).

⁹ См.: Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России — М.: Вече, 2001.

вич Ипатьев (1867–1952), выехав в 1930 году в командировку, стал «невозвращенцем», после чего жил и работал в США; 5 января 1937 года он был лишен советского гражданства. В 1922 году из Советского Союза был выслан целый пароход мыслителей, среди которых были известнейший философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948; до 1924 года жил в Берлине, потом преимущественно во Франции), один из крупнейших социологов XX века Питирим Александрович Сорокин (1889–1968; первый год эмиграции прожил в Праге, а в 1923 году перебрался в США) и многие другие. Начиная со второй половины 1920-х годов, эмиграция из Советского Союза стала практически невозможной; почти полностью прекратилась и эмиграция ученых, и лишь немногие остались на Западе после окончания второй мировой войны. Эмиграция ученых возобновилась в 1970-е – 1980-е, и особенно – в 1990-е годы, когда во много раз выросло и число уезжающих за рубеж на работу по контракту; по оценкам, на одного выехавшего на постоянное жительство за границу ученого приходится четыре “контрактника”¹⁰. Как человек с двумя гражданствами – российским и американским – получал Нобелевскую премию по физике за 2003 год Алексей Алексеевич Абрикосов, живущий и работающий с 1991 года в штате Иллинойс. Хотя точных данных об этом нет, к сожалению, нигде, а статистика, касающаяся российской научной диаспоры за рубежом отсутствует, очевидно, что в самых разных странах мира живут и работают (не всегда по своей прямой специальности) многие тысячи российских ученых, сделавших иногда более, а иногда менее успешные карьеры за пределами той страны, где они родились и выросли.

Ученые-гуманитарии в диаспоре оказываются в этой связи в уникальной ситуации. Опыт выживания и сохранения (или утраты) представителями диаспоральных сообществ своего этнокультурного своеобразия естественным образом привлекал и привлекает внимание историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, политологов, юристов и других специалистов во многих странах. Исследователи, занимающиеся вопросами диаспорального самосознания и статуса представителей общин рассеяния, которые сами принадлежат к этим диаспорам, пишут “изнутри”, что не только повышает степень знания ими предмета, но и превращает их в бесценных “информантов” для других ученых и в важных “посредников” для государственных и общественных структур, так или иначе взаимодействующих с теми общинами, к которым эти исследователи принадлежат.

В упоминавшуюся выше книгу “Самые знаменитые иммигранты России” из ученых-гуманитариев были включены только два имени: Н.А.Бердяев и П.А.Сорокин. Показательно, что, среди других трудов, Н.А.Бердяев написал и издал в свои эмигрантские годы книги “Истоки и смысл русского коммунизма” (1937) и “Русская идея” (1943), а П.А.Сорокин — “Современное состояние России” (1922), “Социология революции” (1925) и “Россия и Соединенные Штаты” (1944). Книги эти писались, прежде всего, для западного читателя и были вполне востребованы им. Следует отметить, что “Истоки и смысл русского коммунизма” были впервые изданы по-русски лишь через семь лет после смерти автора, в 1955 году, будучи опубликованными до этого на английском, немецком, французском, испанском, итальянском и голландском языках. Труд П.А.Сорокина “Россия и Соединенные Штаты”, опубликованный нью-

¹⁰ Жаренова О.А. и др., Интеллектуальная миграция россиян, С. 38.

йоркским издательством “**E.P. Dutton and Co.**” более шестидесяти лет назад, а затем вышедший в Англии, Японии и Португалии, насколько нам известно, не издан по-русски до сих пор. Однако “посредническая” направленность этой работы, о чем недвусмысленно писал сам автор, была очевидна и современникам. В своих мемуарах П.А. Сорокин свидетельствовал: “Мировая война и ее последствия послужили толчком к написанию книги «Россия и Соединенные Штаты». ... Моей практической целью при создании книги было побудить обе страны и их лидеров продолжить взаимовыгодное сотрудничество и предостеречь об ужасных последствиях замены такого сотрудничества политикой конфронтации, «холодной» или «горячей» войной”¹¹. Много лет спустя ближайший ученик и коллега автора Э.А. Тириахьян отмечал, что в этой книге П.А. Сорокин “проявляет свое знание «изнутри» российской и американской истории, русских и американских социальных институтов... Сорокин развенчивает различные мифы о России, начиная от «беспощадного угнетения» этническими русскими других народов и кончая мифом о мистической, непрактичной «русской душе», которая является полной противоположностью рациональной, расчетливой, неэмоциональной «американской души»”. Э.А. Тириахьян заключает, что “это сравнительное исследование, сделанное в 1944 г., должно быть заново «открыто» новым поколением американских и русских социологов, которым любопытно узнать о «другой» стране”¹².

Прежде всего именно в этом качестве, в ролях “информантов” и интеллектуальных “посредников”, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин и, уж конечно, многие не столь знаменитые мыслители были интересны интеллектуальным элитам тех стран, в которых они оказались. Будучи специалистами в самых разных вопросах, русскоязычные гуманитарии в эмиграции почти всегда превращались в славистов, а обществоведы — в советологов. Конечно же, так происходило не всегда, но очень и очень часто. Этот феномен вполне объясним: западные ученые, заслуженно или нет, чувствовали свое изначальное очевидное превосходство над русскими изгнанниками в том, что касалось знания и понимания истории и культуры знакомого им западного мира, и были готовы читать их работы и слушать их лекции почти исключительно о “русской душе”, произведениях интересовавшего их самих Ф.М. Достоевского и коммунистической идеологии. Лишь крайне небольшое число русских ученых-эмигрантов смогли пробить этот “стеклянный потолок”, добившись признания как специалисты по каким-либо иным отраслям гуманитарного знания.

В этом контексте важно отметить, что даже самые “космополитичные” российские ученые-гуманитарии (как правило, — этнические евреи), прожившие в эмиграции многие десятилетия, остаются крепко привязанными к российским интеллектуальным реалиям, даже если они одновременно с этим занимаются и другими темами.

Так, например, филолог и историк литературы Роман Осипович Якобсон (1896–1982), уроженец Москвы, живший с 1920 года в эмиграции, считал себя и воспринимался другими прежде всего как русский ученый, принадлежащий к русской школе и продолжающий русские традиции. По его желанию в над-

¹¹ Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография — М.: Терра, 1992 [перевод американского издания 1963 г.], С. 193.

¹² Тириахьян Э.А. Питирим Сорокин — мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и социальной антропологии, том 2, №1, 1999.

писи на его могиле в Кембридже, штат Массачусетс (возле Гарвардского университета, где он преподавал в последние десятилетия), он назван “русским филологом”¹³. Центральной темой научного поиска Р.О. Якобсона было установление взаимосвязи звука и значения в языке, однако, хотя Р.О. Якобсон владел многими языками, многие его работы базировались на изучении “Слова о полку Игореве” и других произведений русского эпоса. В 1926 году был создан Пражский лингвистический кружок; до оккупации Чехословакии немецкими войсками вышли в свет восемь томов “Трудов” Пражского кружка, второй том целиком составляет работа Якобсона по истории фонологической системы русского и других славянских языков. Названия его трудов говорят сами за себя: “Морфологические наблюдения над славянским склонением”, “Русское спряжение”, “О структуре русского глагола” и т.д. С точки зрения формального статуса, Р.О. Якобсон был именно славистом, в 1933–1939 гг. возглавляя кафедру русской филологии университета в Брно, а в 1949–1967 гг. будучи профессором славянских языков и литературы в Гарвардском университете.

Еще один мыслитель-полиглот, также родившийся в Москве, владевший, кроме русского, французским, немецким, английским, древнегреческим, китайским, санскритом и тибетским языками, — Александр Владимирович Кожев (Кожевников, 1902–1968), с 1920 года живший в Германии и во Франции. А. Кожев известен книгами “Идея смерти в философии Гегеля”, “Кант”, “Атеизм” и другими, не относящимися к России, ее истории и культуре. Вместе с тем, будет нелишним напомнить, что его докторская диссертация была посвящена взглядам русского религиозного философа В.С. Соловьева на единство божественной и человеческой природы Иисуса Христа¹⁴. Именно как специалист по русской философии начал А.В. Кожев свой профессиональный путь на Западе.

Одним из учителей А.В. Кожева был другой Александр Владимирович — крупнейший историк науки А.В. Койре (Койранский, 1892–1964), родившийся в Таганроге и уже с 1911 года проводивший большую часть времени во Франции. Хотя основным предметом исследований А. Койре в 1920-е годы были немецкие мистики и алхимики, он написал и издал книгу “Философия и национальная проблема в России начала XIX века” (*“La philosophie et le mouvement national en Russie au début du XIXe siècle”*, 1929)¹⁵. В предисловии он обозначил главную тему книги как общее введение в исследование славянофильского движения, хотя в действительности он описал возникновение того проблемного поля, в котором происходило в дальнейшем столкновение “западников” и “славянофилов”; А. Койре показывает, что российских “западников” ничуть не меньше интересовала “национальная проблема” и взаимоотношения России и Европы, они поначалу говорили тем же языком немецкого романтизма, Шеллинга и Гегеля (этому посвящена глава “Немецкая метафизика в России”). Названия глав книги отчетливо демонстрируют очерченный в ней круг тем: “Проблема национальной цивилизации и судьбы России”,

¹³ Иванов В.В. Будетлянин: взгляд на творчество Романа Якобсона // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов, С. 279.

¹⁴ См.: Кожев А. Религиозная метафизика Владимира Соловьева // Вопросы философии, №3 2000, С. 104–135.

¹⁵ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. — М: издательство Модеста Колерова, 2003 [перевод с французского].

“Народность и официальный национализм” и т.д. Из-под пера А. Койре выходит серия публикаций, посвященных русским мыслителям И. Киреевскому (1928), А. Герцену (1931), П. Чаадаеву (1927, 1933), а также распространению идей Гегеля в России (1936). Уже после войны А. Койре издал монографию “Очерки истории философских идей в России” (*“Etudes sur l’histoire des idées philosophiques en Russie”*, 1950). По этим статьям и книгам интересующаяся Россией французская интеллигенция знакомилась с историей российской общественной мысли.

Коллегой А. Койре, знакомившим с историей русской философии и этосом российской интеллигенции английскую читающую публику был другой русский еврей Исая Берлин (1909–1997), детство которого прошло между Ригой и Петербургом¹⁶. Хотя И. Берлин справедливо считается одним из столпов либеральной мысли XX века, автором ряда книг, оказавших значительное влияние на европейскую политическую философию в целом, и в его жизни, и научном творчестве “русские” сюжеты играли очень значимую роль. Во-первых, Исая Берлин, как и А. Койре, много писал о российских мыслителях XIX века в контексте тогдашней европейской интеллектуальной полемики; этому посвящены его работы “Герцен и Бакунин о свободе личности” (1955), “Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов” (1972), “Толстой и просвещение” (1961), “Еж и лиса” (1953) — тоже о Л.Н. Толстом, “Русское народничество” (1960) и другие. Во-вторых, в 1945–1946 гг. Исая Берлин работал в британском посольстве в СССР в Москве, используя открывавшиеся перед ним возможности как для налаживания близких отношений с выдающимися деятелями российской культуры, в том числе с Б.Л. Пастернаком и А.А. Ахматовой (о своих встречах с ними И. Берлин позднее написал интересные воспоминания — “Встречи с русскими писателями”, 1980), так и для лучшего информирования руководства Британии о процессах, происходивших в сфере культуры в Советской России (в 1945 г. для британского правительства им был составлен доклад “Литература и искусство в России при Сталине”, при жизни автора не публиковавшийся)¹⁷. Таким образом, можно сказать, что Исая Берлин выступал не только как своего рода компас для просвещенных слоев гражданского общества Британии, но и как информант для ее официального политического руководства (кстати говоря, А. Кожев тоже сделал успешную карьеру государственного служащего в Министерстве внешней торговли Франции, а затем в качестве одного из советников президента В. Жискара д’Эстена). Именно через призму знаний, опыта и восприятия Александра Койре и Исая Берлина французская и британская интеллигенция знакомилась с оградившимся от Западного мира “железным занавесом” Россией. Родным языком обоих мыслителей был русский, однако, при жизни работы А. Койре по-русски не выходили вообще, а работы прожившего дольше И. Берлина — выходили считанные разы, вследствие чего сейчас вышеперечисленные труды издаются на русском языке в неавторизованных переводах с французского и английского.

¹⁶ См.: Мандри Г. Сэр Исая Берлин // Русское еврейство в зарубежье, том 2 (7), под ред. М.А. Пархомовского и А. Рогачевского. — Иерусалим, 2000, С. 14–23.

¹⁷ Все упомянутые работы вошли в книгу: Берлин И. История свободы. Россия. — М: Новое литературное обозрение, 2001 [переводы с английского].

Кроме Исаяи Берлина, в английских университетах работали и другие уроженцы России, специализировавшиеся на изучении ее истории и культуры: позднее вернувшийся в СССР, арестованный и погибший в ГУЛАГе князь Дмитрий Святополк-Мирский (1890–1939) с 1922 года был профессором в Школе славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета. На английском языке вышли его фундаментальные книги “История русской литературы с древних времен до смерти Достоевского” (1927), “Современная русская литература, 1881–1925” (1926), а также монография о Пушкине (1926); как справедливо отмечает О. Казнина, “выход этих книг обеспечил Д. Мирскому положение ведущего историка русской литературы в Англии. Книги и статьи Д. Мирского формировали представление не только читателей, но и писателей Запада о русской литературе”¹⁸.

В 1932 году на место вернувшегося в Россию Д. Мирского лектором по русской литературе в Лондонском университете был назначен Глеб Струве (1898–1985). На английском языке вышли его книги “Русская советская литература” (1935), “25 лет русской советской литературы, 1918–1943” (1944), “Русская литература во времена Ленина и Сталина, 1917–1953” (1971), по-русски была опубликована фундаментальная книга “Русская литература в изгнании” (Нью-Йорк, 1956, 2-е издание — Париж, 1984). С 1947 года Г.П. Струве жил и работал в США, где преподавал славистику в Калифорнийском университете (Беркли); там он в 1960 году основал журнал “*California Slavic Studies*”. Многие годы Г.П. Струве посвятил популяризации в странах Европы и Америки творчества русских писателей, изданию их книг в Нью-Йорке, Вашингтоне, Париже, Мюнхене; писал к ним вступительные статьи, комментарии. Струве выпустил на английском языке в своем переводе сборник “Русские рассказы” (1961); “Семь рассказов Антона Чехова” (1963), “Антологию русской поэзии: от Пушкина до Набокова” (1967); совместно с Б. Филипповым — сборник произведений И. Бунина (1933). Заслужив Г.П. Струве была публикация произведений “гонимых” в Советской России поэтов. В 1952 году в Нью-Йорке вышла книга “Неизданный Гумилев”, составителем и редактором которой был Г.П. Струве. Позднее усилиями Г.П. Струве совместно с Б. Филипповым было осуществлено издание собраний сочинений Б.Л. Пастернака (в 3-х томах, 1961); Н.С. Гумилева (в 4-х томах, 1962–1968), О.Э. Мандельштама (в 3-х томах, 1967–1971) и других (все эти книги были опубликованы в США). Первое издание “Несвоевременных мыслей” Максима Горького вышло в США в 1968 году в переводе и под редакцией профессора славистики Принстонского университета Германа Ермолаева — уроженца Томска, “невозвращенца”, оказавшегося на Западе в ходе Второй мировой войны. Нельзя сказать, что в Англии и в США в 1920-е — 1960-е годы имело место поголовное увлечение русской литературой, но то, что интересовавшиеся ею, знакомились с ней по книгам преимущественно российских эмигрантов, как Д. Святополк-Мирский, Г.П. Струве, И. Берлин и другие, сомнению не подлежит.

В последующие десятилетия ситуация несколько изменилась: на Западе появились крупнейшие специалисты по российской истории и культуре, не являющиеся уроженцами России, труды, которых, однако, являются эталонными: лучшие на сегодняшний день книги об Александре Блоке и русском символизме написала англичанка Аврил Пайман, самая важная биография

¹⁸ Казнина О. Русские в Англии. — М.: Наследие, 1997, СС. 121–122.

Владимира Набокова создана новозеландцем Брайаном Бойдом, этапная книга о Владимире Маяковском написана шведом Бенгтом Янгфельдтом, важнейшие труды об Андрее Белом и Михаиле Кузьмине изданы американцем Джоном Малмстадом, а об Осипе Мандельштаме — американско-израильским славистом, уроженцем Венгрии Омри Роненом. Аналогичным образом, и в изучении российской и советской истории книги Симона Себага Монтефиоре, Дональда Рейфильда, Шейлы Фицпатрик, Энн Эплбаум, Уильяма Таубмана (двое последних — лауреаты Пулитцеровской премии за книги “ГУЛАГ” и “Хрущев: человек и его эпоха”) и многих других авторов в целом значительно превосходят уровень работ по аналогичным темам, издаваемых в современной России, вследствие чего, и переведенные на русский, эти труды оказываются востребованными самыми взыскательными читателями. Десятилетия подавления свободного развития гуманитарных и общественных наук в Советском Союзе не прошли бесследно, и на сегодняшний день российские авторы не являются лидерами ни в мировой славистике, ни в советологии и той так и не имеющей имени науке, которая пришла ей на смену после распада Советского Союза. В России есть прекрасные ученые-гуманитарии и общественности, но сегодня никто из них не может претендовать на статус непревзойденного авторитета в русистике и советологии, а лучшие на сегодняшний день биографии А.А. Блока, В.В. Набокова или Н.С. Хрущева, повторим, были написаны по-английски авторами, для которых английский — родной язык. Фактический феодальный режим в подавляющем большинстве российских государственных университетов и гуманитарных институтов Академии наук, руководство которых неизвестно за пределами России практически никому, разумеется, никоим образом не способствует развитию серьезных научных исследований.

С появлением на Западе крупнейших специалистов по истории и культуре России роль эмигрантов снизилась, но она остается весьма значительной. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на списки сотрудников кафедр славистики ведущих научно-образовательных учреждений США. Главой кафедры славистики Стэнфордского университета в настоящее время является выпускник московского института иностранных языков (1971) Григорий Фрейдин, живущий в США с 1972 года, автор книг о творчестве Эдуарда Багрицкого и Исаака Бабеля. В Йельском университете одним из ведущих профессоров-славистов является выпускник Вильнюсского (1960) и Тартуского (1971) университетов Томас Венцлова; в Гарварде — выпускница РГПУ им. А.И. Герцена (1980) Светлана Бойм; в Стэнфорде — выпускник Рижского (1966) и Тартуского (1968) университетов выдающийся литературовед Лазарь Флейшман; в Колумбийском университете — выпускники Московского и Тартуского университетов Борис Гаспаров (в США с 1981 года) и Ирина Рейфман (в США с 1980 года); в Калифорнийском университете, Лос-Анджелес — выпускник МГУ (1977) Александр Осповат и т.д. В Мичиганском университете работает крупнейший специалист по социологии советского общества, уроженец Киева, защитивший еще в 1966 году докторскую диссертацию в ИМЭМО Владимир Шляпентох. Иными словами, и сегодня сотни и тысячи американских студентов входят в мир российской истории, культуры и литературы, где их проводниками являются уроженцы России, эмигранты, коих на родине раньше презрительно именовали “отщепенцами”, а сейчас проводят по разряду “утекших умов”. На самом же деле именно эти люди строят мосты между народами и культурами,

знакомя нынешнее и будущее поколение американской интеллигенции с прошлым и настоящим российской культуры.

Влияние эмигрантов велико не только в университетской среде в США, но и в интеллектуальных кругах Европы. К настоящему моменту ушли из жизни выдающиеся литературоведы Ефим Эткинд (1918–1999) и Шимон Маркиш (1931–2003) — первый четверть века прожил в Париже, где долгие годы был профессором X Парижского университета, второй 23 года служил профессором русского языка и литературы на кафедре славистики Женевского университета — но живы и плодотворно работают другие люди. Так, в Англии с 1972 года живет искусствовед Игорь Голомшток, книга которого “Тоталитарное искусство” (1990, по-русски издана в 1994 году) стала значительной вехой в понимании советской духовной жизни. Борис Ефимович Гройс — выдающийся теоретик и культуролог, выпускник Ленинградского университета, работавший в конце 1970-х научным сотрудником на кафедре структурной и прикладной лингвистики МГУ, ныне является профессором в Карлсруэ, Германия, а его книга “*The Total Art of Stalinism*” (1992, по-русски издана под названием “Искусство утопии”) опубликована на шести языках, включая японский. Все четверо перечисленных теоретика — Е.Г. Эткинд, Ш.П. Маркиш, И.Н. Голомшток и Б.Е. Гройс — принадлежат к числу самых крупных российских гуманитариев, принципиально обогативших изучение российской культуры. В Килском университете в Англии с 1973 года преподает Валентина Полухина — уроженка Сибири, выпускница аспирантуры МГУ, ныне — виднейший специалист по творчеству И.А. Бродского, автор первой монографии о нем. В крупнейшем научном центре Ближнего Востока — Еврейском университете в Иерусалиме — работают такие серьезные ученые-слависты как Дмитрий Сегал, Владимир Хазан, Елена Толстая, Михаил Вайскопф и некоторые другие, все они — уроженцы СССР/России.

Подведем итог. Отношением к ним как (в лучшем случае) “утекшим” умам, а в худшем — как к “предателям Родины” официальная Россия наносит вред и самим ученым, и изучению России, и своему образу в общественном сознании зарубежной интеллигенции. Работая в разных уголках планеты, гуманитарии российского происхождения внесли и продолжают вносить громадный вклад как в научное изучение России и ее культуры, так и в преподавание всего спектра дисциплин, связанных со славистикой, русистикой и советологией в ведущих научно-образовательных центрах. Россия может и должна гордиться своей научной диаспорой, видя в ней мост, позволяющий хоть как-то преодолевать наследие нескольких десятилетий интеллектуальной автаркии. Ученые-эмигранты в состоянии говорить на одном языке, понимая релевантные культурные коды, и с коллегами и студентами на Западе, и с представителями различных слоев общества в самой России; в этом их непреходящая значимость и залог их востребованности не только в настоящем, но и в будущем.